

ГОД ИЗДАНИЯ ХVI

К Р О К О Д И Л

№ 22 АВГУСТ

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“

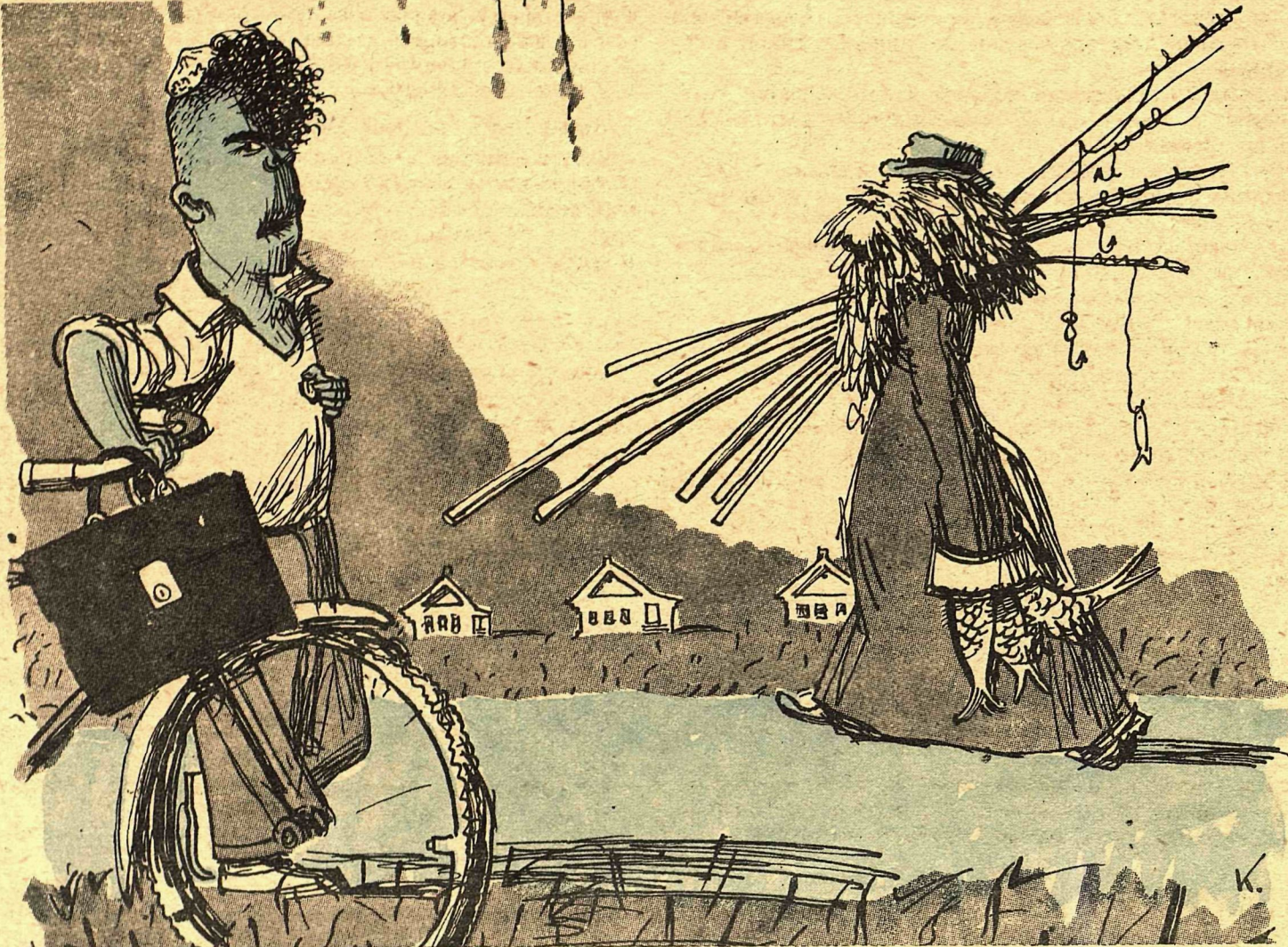
ЦЕНА НОМЕРА 60 КОП
МОСКВА 1937

Рис. Л. Бродаты

Т Р О П А С А М У Р А Е В

Рис. А. Каневского

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОЮЗА ВОИНСТВУЮЩИХ БЕЗБОЖНИКОВ: — Фу ты, какая неприятность: попал встретил... Опять мой доклад сорвется...

ТРИ ВСТРЕЧИ С УКУСОВЫМ

Я приехал в город Н. поздно вечером, с трудом получил номер в гостинице и после короткого боя с клопами уснул мертвым сном.

Утром мне захотелось узнать, чем живет и дышит город Н. Я купил местную газету и погрузился в чтение.

Однако через пять минут я убедился, что с таким же успехом быт города Н. можно изучать по англо-русскому техническому словарю. Несвежие телеграммы, пара перепечаток и обширное постановление горсовета, регулирующее правила уличного движения обывательских коз и поросят, составляли содержание местной газеты. Три четверти последней полосы занимали замеченные редакцией опечатки. Но редакция, видимо, не отличалась особенной остротой зрения, ибо даже при беглом чтении я заметил опечаток вдвое больше чем она.

Одна из замеченных редакцией опечаток меня умилила: «Во вчерашнем номере нашей газеты в подпись ответственного редактора вкралась досадная опечатка: напечатано ответственный редактор — Укусов, нужно — Укусов».

«Укусов! — подумал я. — Неужели это тот самый Укусов?»

Перед моим мысленным взором возникли длинное, как дыня, плоское лицо, длинные руки, ленивая походка. Я решил заглянуть в редакцию.

Да, это был тот самый Укусов. Та же печать раздражающе уныния лежала на его дынеобразном лице.

— Послушай, Укусов, — сказал я после того, как мы обменялись приветствиями, — твоя газета просто тошнотворная. Ее можно читать только в принудительном порядке, по приговору народного суда.

Укусов посмотрел на меня с легким удивлением:

— А что я могу сделать? Людей, братец, нету. Трудно работать без людей.

— У тебя же есть аппарат, Укусище! Заставь его работать на полную мощность.

— Аппарат есть, а людей нет.

— А рабкоры? А активисты? Пусть они пишут в свою газету.

— Все вы мастера говорить про рабкоров, а вот ты попробуй — привлеки этого самого рабкора в газету, когда тебе третий месяц не дают заведующего рабкоровским отделом.

— Сам займись!

— Мне, братец, некогда. Я один работаю, без людей. Мне бы времени хватало за опечатками уследить — и то слава богу.

Я махнул рукой, попрощался и ушел.

Месяца через три я снова попал в город Н. и направился в ту же гостиницу. Номер мне дали после долгих и нудных препирательств.

— Все номера забронировали баптисты, — объяснил мне портье с подвязанной щекой и калошах на босую ногу.

— Кто-о?

— Баптисты, говорю. Братья, так сказать, во христе. У них завтра открывается с'езд.

«Интересно, — подумал я, — неужели мой друг Укусов и на этот раз ухитрился не дать ни строчки об этом событии в своей газете?»

Однако на этот раз в газете города Н. я нашел и дельный подвал, разоблачающий контрреволюционную сущность «братьев во христе», и хлесткую статейку о безделии местного Союза безбожников.

«Молодчина Укусов!» — подумал я, и в ту же секунду заметил, что газета города Н. переменяла редактора.

«Ответственный редактор — Ник Степанов», — стояло под текстом на последней странице.

Ночь я провел плохо: спать мешали знакомые клопы и «братья во христе». Тоненькими, противными голосами они скулили что-то нестерпимо елейное за тонкой стенкой в соседнем номере.

Утром я пошел в Союз воинствующих безбожников: хотелось подробнее разузнать о плодотворной деятельности «братьев во христе».

В кабинете ответственного секретаря отделения Союза воинствующих безбожников сидел Укусов. Та же печать раздражающего уныния лежала на его желтой морде.

— Послушай, Укусов, — сказал я, поздоровавшись, — как жаль, что ты не живешь в гостинице. Ты бы услышал, как баптисты всю ночь репетировали свой с'езд.

— Какие баптисты? Какой с'езд?

— Самые настоящие баптисты. Братья твои во христе. Неужели ты не читал в газете, что у них завтра с'езд?

— Читал. То есть не читал. Вернее, мне опять не доложили. Ох, братец, до чего же трудно работать, когда нет людей.

— Опять тебя аппарат подводит, Укусище?

— Подводит, проклятый. Понимаешь, абсолютно нет людей. Хоть шаром покати!

— А газетка ваша, между прочим, здорово улучшилась, — сказал я. — Этот Ник. Степанов работает определенно хорошо. Откуда он, ты не знаешь, Укусов?

— Он у меня был рабкором. Только почему-то мало писал... Господи боже мой, что же я теперь буду делать с баптистами?! Федюков! Где ты? Опять ты проморгал баптистов! Иди-ка сюда, Федюков!

Я понял, что при драматическом разговоре Укусова с таинственным Федюковым я буду лишним, и поспешил ретироваться.

Спустя короткое время судьба снова забросила меня в город Н. Здесь мне предстояла пересадка, а до поезда было достаточно времени. Я отправился побродить по городу.

На углу, около аптеки, я увидел на заборе большую красочную афишу. Афиша извещала граждан города Н., что вечером в клубе состоится лекция на тему «Кто такие баптисты». Лекцию, как сообщала афиша, устраивает местный Союз воинствующих безбожников.

«Наконец-то мой друг Укусов взялся за ум», — подумал я.

В ту же минуту меня окликнул знакомый скрипучий голос. Обернувшись, я увидел Укусова. Он сидел в будке с затейливо вырезанной крышей, что стояла на противоположном углу, рядом с нарзанным киоском. Густой пар валил из будки. В воздухе вдруг запахло подгоревшими котлетами.

— Меня, понимаешь, из безбожников перебрали на котлеты, — сказал мне Укусов, — я теперь обслуживаю котлетный автомат. Посмотри, это очень интересно.

Я заглянул в будку. Брызгая горелым маслом и шипя, автомат жарил котлеты. Укусову оставалось лишь принимать готовую продукцию на блюдо.

— Как работает, Укусище?

Знакомое выражение печали и уныния появилось на желтом, дынеобразном лице Укусова.

— Работается трудно, — сказал он, привычно вздыхая. — Сам видишь, людей здесь абсолютно нет. Хочешь котлетку?

Он протянул мне сырую с одного бока и пригорелую с другого, страшноватую, явно халтурную котлету.

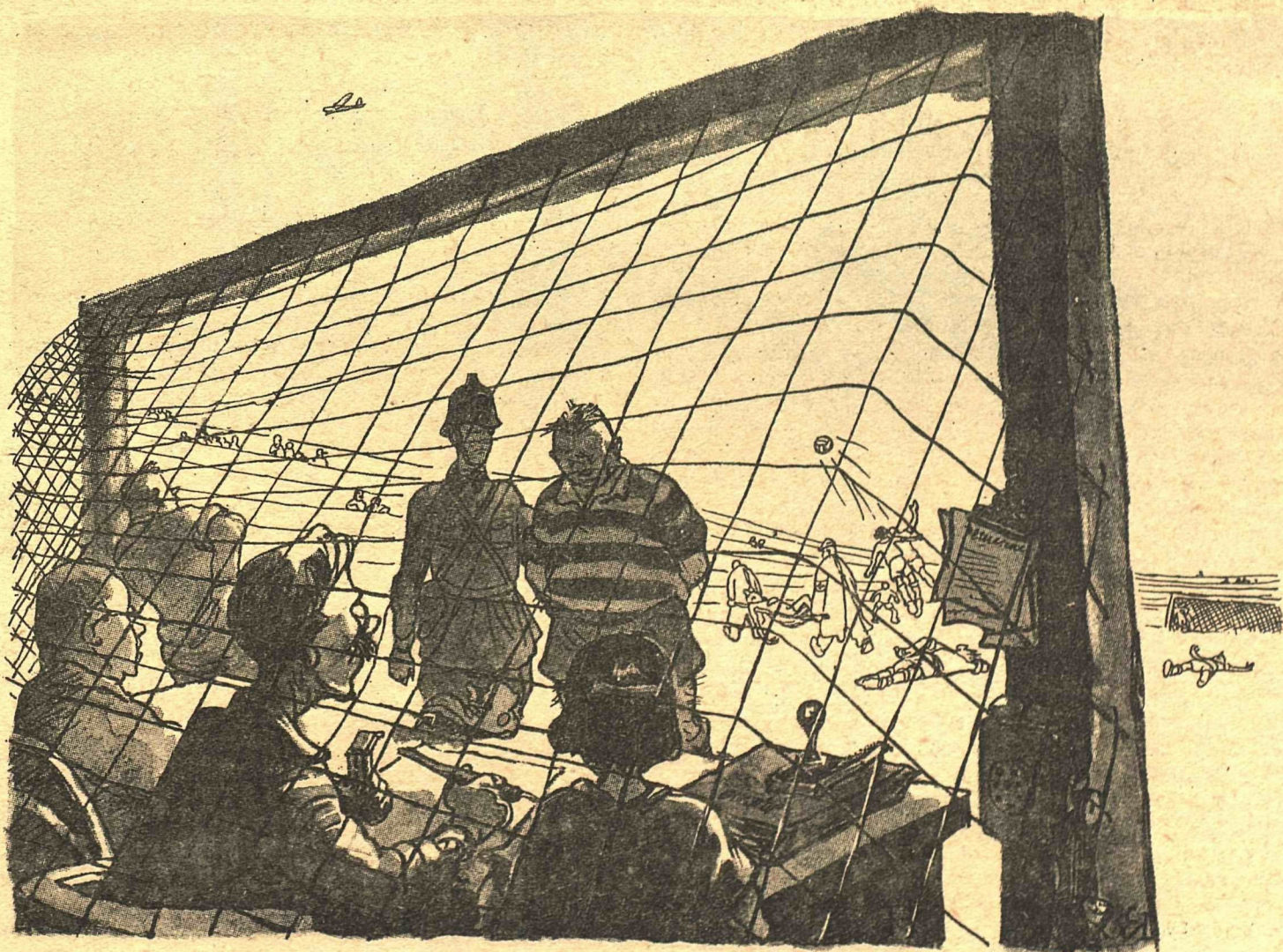
— Опять тебя подводит аппарат, Укусов? — сказал я, показывая глазами на котлетный автомат, который фыркал, как дикая кошка.

— Подводит, проклятый! — застонал Укусов. — А главное, людей нет. Ты же сам видишь, что их нет.

В будке, кроме Укусова, действительно никого не было. На этот раз он был прав.

ЛЕОНИД ЛЕНЧ

Рис. И. Семенова

Вот какой нужен иногда судья на футбольном поле.

ПОКЛАДИСТЫЙ ЛЕВ

— Для подписывания компромиссов и джентельменских соглашений мне больше одной свободной лапы и не требуется.

ПУТЕШЕСТВИЕ В МАДРИД

Где-то добыта граната. И с'еден
Завтрак. И листик оставлен, что вот:
«Мама, прощай, мы в Испанию едем;
Ключ на полу, в том же месте,
где кот».

Дома волнение: ни Глеба, ни Вовки.
Ночь. И за городом поезд гремит.
Мимо Лосинки и мимо Перловки
Глебка и Вовка несутся в Мадрид.
Вовка сопит: «А качать начинает;
Глебка, граната не бахнет сама?»
Глеб отвечает: «Она же ручная;
Дикая если бы, та бы могла».

В окнах темно, где-то гукают совы.
Глеб говорит: «Вовка, ты видишь иль
нет?»

Вон за сосной той,— ну, честное сло-
во,—

Вылез уже Гвадаррамский хребет...»
Грустно, конечно. Ни Глебу, ни Вовке
Не совладать с непреклонной

судьбой:
Возраст. И с первой большой оста-
новки

Их возвращают обоих домой.
Поезд дорогой обратной мчится,
Дома встречает их мать... И опять
Нужно расти, и гулять, и учиться,
И о боях лишь в газетах читать,
И позабывши свое монтекристо,
В тир убежав от дворовых проказ,
Пули лепить в переносье фашисту,
Нервно сопя и прищуривши глаз.

Г. ПОМЕРАНЦЕВ

ТЮЛЕНЬ

Командир-пограничник был чисто выбрит и, казалось, весь, целиком, вытужен.

— Привет честным колхозникам! — сказал он, толкнув ногой тугую дверь в избу.

Старый Иван спустил ноги с кровати.

— Привет товарищу командиру!

— Молока, хозяин, да поживей!

Командир сел на скамью у большого струганого стола, а старый Иван тем временем сполз с кровати и, шаркая непослушными ногами, поплелся в сени. Он принес высокий кувшин молока и молча поставил его на стол.

— Тюлень неповоротливый! — пошутил командир. — Что белмы сощурил?

Старик действительно щурил глаза, часто-часто моргал красноватыми веками.

— Стар стал, батюшка. Глаз болит. Сказано: прищурь глаза на солнце — и увидишь в нем пятна.

Пограничник перестал пить и громко засмеялся.

— Философ! Ты бы лучше пирога дал. Накормил бы гостя.

Старик пробурчал что-то беззубым ртом и залез под одеяло. Командир прошелся из угла в угол. Он разглядывал фотографии, веером расклеенные над кроватью.

— А где остальные? — спросил командир.

Старик, казалось, не слышал. Нето он глуховат был, нето успел уже уснуть.

В избу вошла молодая женщина с ребенком в одной руке и с хлебом в другой. Командир приветливо улыбнулся:

— А, хозяйюшка! Тюлень — твой палаша. Говорит много, а накормить гостя не может...

Он потрепал женщину по щеке и уселся за стол.

Ребенок орал темпераментно и энергично. Женщина начала его распеленывать.

— Сейчас, — сказала она. — Успокою сына и дам вам поесть.

Командир явно был недоволен. Он ходил из угла в угол, звеня шпорами, и поторапливал женщину, которая придержи-

вала одной рукой ребенка, а другой тянулась за пеленками, развешенными на печке. Это ей не удалось. Ребенок не желал ни на секунду оставаться без матери, он поднимал неистовый крик.

— Не вышла ростом, — пошутил командир. — Все вы тюлени. Брось. Сходи за едой. Покричит — не беда: ему так положено.

Женщина послушалась. Она посмотрела в сторону спящего деда, замотала кое-как малыша и пошла.

Старик храпел с присвистом, тонким и затяжным, как могут присвистывать во сне только старики.

Командир разглядывал фотографии. Он обернулся на звук скрипнувшей двери и, вскрикнув, схватился за карман. Но было уже поздно: дула наганов смотрели с трех сторон. Он покорно поднял руки вверх и сел на скамью...

У начальника погранотряда первые короткие показания давали трое.

Шпион не хотел отвечать на вопросы. Он сам их задавал:

— Пусть скажет, как она, простая деревенская баба, разгадала меня в форме большого начальника?

Женщина давала показания начальнику заставы.

— В Красной армии таких не бывает, — сказала она. — Он надел форму красного командира, но я узнала его нутро.

А старый Иван, бодрый и словоохотливый, как будто и не со сна совсем, сказал:

— Неверю это, что тюлень неповоротлив. Ни один ловкач не выкрутится, как тюлень, убегающий от зверобоя...

Деда с дочкой и внуком провожал до избы красноармеец-пограничник. Он поддерживал под руку старика, помогая его непослушным ногам, и нес ребенка, чтобы женщине было легче взбираться в гору.

М. ЕФЕТОВ

Мы рассказали о действительном факте, который произошел в пограничной карельской деревне.

М. ЕФ.

ГУТЕНБЕРГ НА РОДИНЕ

(К 500-летию со дня изобретения Гутенбергом книгопечатания)

Рис. Ю. Ганфа

Великий погорелец.

БЕЗ ДОВЕРЕННОСТИ

Разные бывают доверенности. В бумажниках тысяч советских работников хранятся аккуратно сложенные доверенности на право покупки и продажи сырья и товаров, на право найма рабочих и ревизии санаториев, на представительство интересов труппы лилипутов и приемку гигантской турбины, на управление домом и приобретение теплохода, и так далее и тому подобное. Мы даже знали случай, когда один гражданин фигурировал доверенностью на монопольное право скупки яичной скорлупы, т. е. того, что в общезнании называется выеденным яйцом.

Но за всю нашу многолетнюю практику и нам и всем нашим читателям, вероятно, не приходилось встречаться с доверенностью на монопольное право бдительности. Мы счастливы поэтому сообщить о человеке, который искренно убежден в том, что такую доверенность имеет. Фамилия этого гражданина—Рокотов. Он директор Катав-Ивановского цементно-металлургического завода и как таковой имеет право издавать приказы. 4 июля сего года он, пользуясь этим правом, издал приказ № 66. Не знаем, как предыдущие 65 приказов, но этот, 66-й, может заинтересовать не только начальников цехов и отделов Катав-Ивановского завода, которым он предназначен, но и значительно более широкие слои катав-ивановской и уральской общественности. Он небольшой, этот приказ, и мы позволим себе его частично процитировать:

§ 1.

«Заведующий техникой безопасности и производственной санитарии завода Сахаров докладной запиской от 3-го июля 1937 года на имя директора завода, в копии главного инженера завода и НКВД, допустил грубейшее нарушение принципов единоначалия и извратил приказ НКТП от 16/IX 33 г. № 807, выразившееся в следующем:

1. Вместо того, чтобы, согласно положению, о всех замеченных недостатках по технике безопасности своевременно докладывать главному инженеру завода, под непосредственным руководством которого он работает, Сахаров в докладной записке директору завода и главному инженеру предложил замеченные им недостатки в двухсуточный срок устранить, угрожая остановом производства...»

...3. Юридическим учреждением для сношения со всеми организациями от имени завода по положению является управление завода, во главе с директором завода, имеющим на это доверенность. Сахаров это положение также игнорировал и от имени отдела завода обратился по этому вопросу в НКВД.

За все вышеуказанные поступки Сахаров подлежит безусловно увольнению, но принимая во внимание его техническую безграмотность в таких вопросах, а также незнание элементарных положений о своих правах и обязанностях, ограничиваюсь объявлением Сахарову выговора.»

Хитрый Рокотов неслучайно обошел молчанием в приказе подробное содержание его доверенности. Но бьемся об заклад на что угодно, что в ней ни слова не сказано о праве на зажим самокритики и монопольное право на бдительность.

Оно, конечно, всякому бюрократу обидно, когда кто-нибудь из его подчиненных сигнализирует через его голову о тревожных явлениях на вверенном ему участке, особенно если на этом участке до этого действовал враг народа. Но зачем же об этом приказы издавать? Зачем расписываться перед всем заводом в помпадурских своих страстишках, в полном непонимании того, что есть настоящая, большевистская бдительность и что есть настоящее, большевистское отношение к самокритике? И из каких, кстати сказать, директив и распоряжений вышестоящих организаций вытекает, что сигнализировать в Наркомвнудел может только «юридическое учреждение»? И еще интересно, какие неприятности и на основании каких директив ждут товарища Сахарова за то, что он, не будучи «юридическим учреждением», переслал в редакцию Крокодила этот неслыханный в советских условиях приказ.

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

СКРОМНОСТЬ

Два молодых архитектора прогуливались по старой улице. Остановились около одного дома. На фасадной стене была прибитая большая медная дощечка:

«Этот дом построен в 1809 году архитектором Ивановым».

— Публика же прежде была, эти архитекторы, — сказал один из гулявших. — Имя свое на доме, не стесняясь, лепит, чтоб жильцы знали, кого бранить...

— И год тоже... Уже, наверное, в 1810 ехидничали: что-де: крыша еще не просохла, а уж трещит. Нет, мы скромнее. Я бы не согласился на такую доску на доме своей стройки.

— Куда скромнее!..

РАВЕНСТВО

В половине восьмого мать начинала будить Кольку:

— Вставай, Колючка! Собирайся в школу. Петушок давно пропел и отгудел на фабрике.

— Мамочка... Еще десять минут... — просил Колька.

— Довольно, довольно дрыхать! Ишь ты! — сердилась мать.

— Ну пять минут!

— Отстань! Вот отец придет, скажу! — и сдергивала одеяло.

Вечером мать готовилась идти в школу для взрослых. Причмокивая языком, качая головой, проглядывала свои тетради по арифметике. Шла к сыну.

— Колючка, — просила мать. — Займись ты со мной хоть десять минут, задача у меня не выходит.

Колька клеил планер и отмахивался:

— Отстань! Вот отец придет, я скажу, как ты плохо учишься.

— Ну хоть пять минут... Колючка, займись...

Колька смотрел на мать, выторговывал, чтоб его завтра разбудили на десять минут позже, потом брал задачник...

СТАКАН ВОДЫ

Старый читатель сидел у молодого московского поэта. Поэт жаловался на жару и отсутствие тем для поэм.

— С первым согласен, — сказал старый читатель, — принеси стакан воды. Нет, не кипяченой, из водопровода, а со вторым... Взяв стакан с холодной прозрачной водой, добавил:

— Со вторым несогласен... Вот помнишь, кажется, Короленко был у Чехова? Чехов взял чернильницу, вот как я держу стакан. Глаза Чехова заискрились, он обещал Короленко, если понадобится, немедленно написать рассказ о чернильнице.

— Ну и что? — уныло спросил поэт.

— А то... Ну, что такое чернильница? Пустяк. А в руках таланта и она бы засверкала. А вот ты держишь брильянт чистейшей воды и не можешь написать о нем поэму... «Поэму о стакане воды»...

— У Скриба была пьеса «Стакан воды»...

— Видел! Читал!.. Но ведь это не то! Стакан волжской воды на московском столе!.. Поэма!..

Читатель говорил долго. Вода в стакане искрилась. Глаза поэта были тусклы и скучны.

ЭКОНОМИЯ

Некий кинорежиссер, безработствующий уже вторую пятилетку, но аккуратно получавший зарплату, обиделся:

— Ну да! Ну и получаю. Ну и что же? Да вы знаете, сколько на мне государство прибыли получает? Ничего, ничего, не подымайте брови... Представьте: ставлю я одну картину — брак. Картина на полку. Полмиллиона в трубу...

А я этих двух картин не поставил. Миллион государству сэкономил. А вы говорите: зарплата, зарплата...

МНЕМОНИКА

Прятели-сослуживцы вышли из ресторана.

— А-ах! — ахнул один из приятелей, обвиняя друга. — У меня ж, Сережка, телефон поставили! Запомнишь? Или запиши лучше номер: 4-78-21.

Карандаш сломался.

— Ну, ладно! Так запомни: 4-78-21... Повтори! Да не 4-98-21... Постой, постой!.. Мнемоникой запомни. Ты вчера сколько себе незаконных премиальных выписал?

— Не кричи ты!

— Ну, подумаешь... Именно незаконных премиальных. Пожалуйста! Как раз 478 рубликов... И вот тебе еще 21 копейка и мой телефон... Не хочешь 21 копейку?.. Ну, ладно, ладно, Сергей... Тогда так... За этот месяц мы сообщили, что выпустили 49 821 штуку нашей продукции, но ведь по-приятельски?.. 2000 ты браку приписал... Ты ведь жук, Сережка, вычти брак, и будет мой честный телефон.

— Не ори ты! Уже народ слушает. Брак, премия...

— Ну и что... Это жизнь наша с тобой... Стой, стой!.. Еще проще!.. Если взять номер автомобиля, который ты получил по знакомству... Фу!.. Ну, я ж о мнемонике говорю, а не о чем особенном... Убедая... Мнемоники испугался!..

В. ТОБОЛЯКОВ

Ф О Н

Холодильно-горячительный шкаф, сконструированный этим заводом, был действительно чудом техники. Зимой в шкафу можно было жарить продукты, а летом замораживать их. Правда, иногда механизм шкафа капризничал, ошибался, путал зиму с летом, но это была уже мелочь. О шкафе донесли победным рапортом в Москву, перенесли шкаф в кабинет директора. И директор, как хороший ворошиловский стрелок у мишени, снимался во всяких видах у шкафа.

«Тов. Ерогин, под руководством коего сконструирован холодильно-горячительный шкаф, у шкафа».

«Производственное заседание. Сзади виден шкаф, выпущенный под руководством директора Ерогина (слева третий)».

Через год кто-то из сослуживцев, вернувшись с побережья Черного моря с укрепленными нервами, мило сказал Ерогину: — Не дело все это: у нас шкаф единственный, а мы его всюду рекламируем.

Ерогин рассердился:

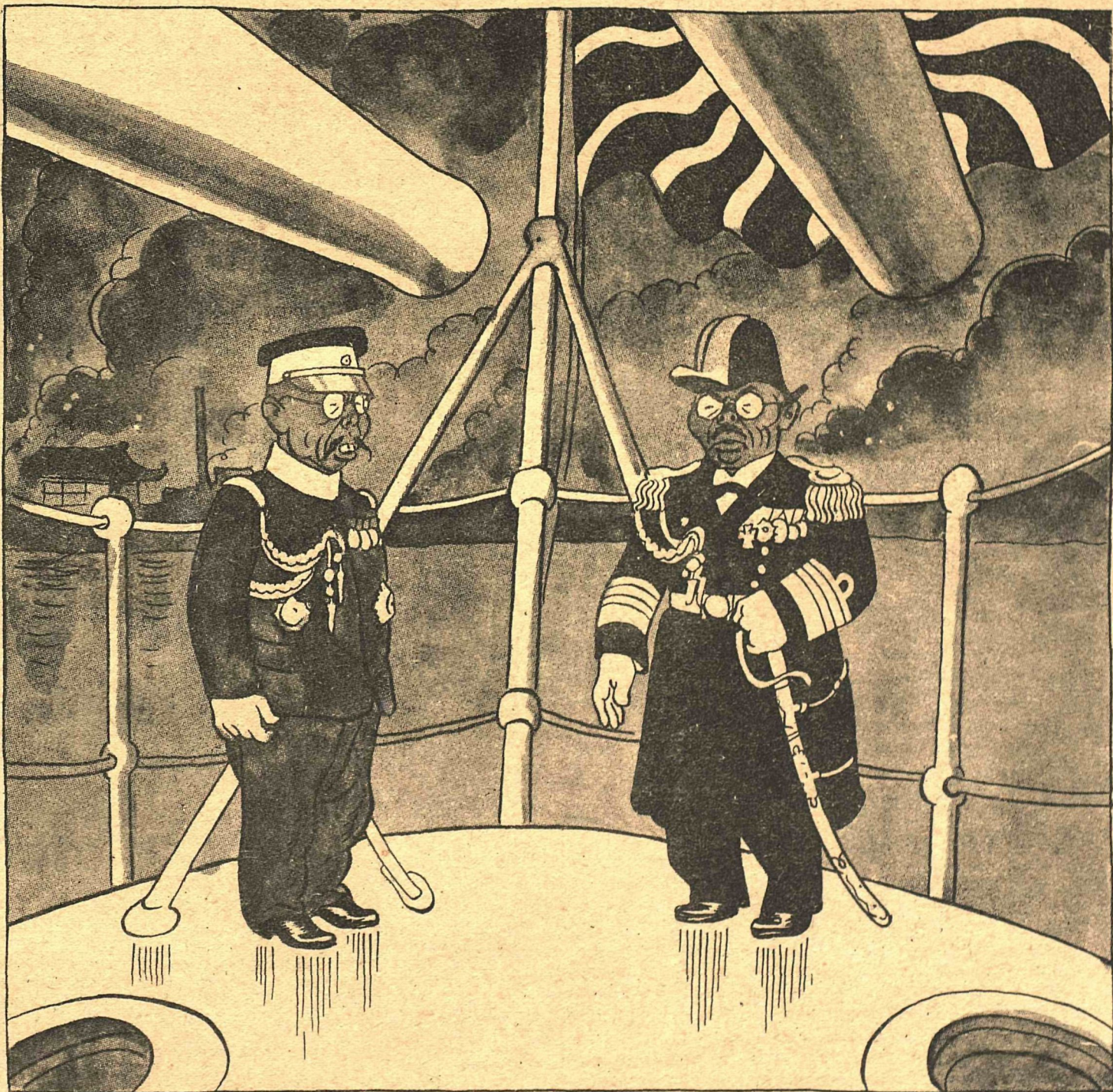
— Ну и что?.. Ты вон тоже все снимался у Черного моря. А ведь море тоже единственное. И ничего!.. Умные какие все стали!

И директор, любовно обняв шкаф, посмотрел в объектив аппарата.

В. ТОБОЛЯКОВ

ЗАБРОШЕННЫЕ

Рис. Бор. Ефимова

Бор Ефимов - 37.

— Хорошо генералу Франко: у него есть комитет по невмешательству. А нам никто не помогает...

„УТОЛИ МОИ ПРОГУЛЫ“

Трудно приходится у нас в стране прогульщикам. С другой стороны, и попам невесело — день за днем несмотря на плохую работу Союза воинствующих безбожников тают ряды верующих. И прогульщикам и попам приходится поэтому искать новых путей своей деятельности. Гражданка П. И. Логинова, совершив очередную прогул, обратила поэтому свои взоры ко «всевышнему» и получила от его сотрудника, некоего Н. Филиппова, нижеследующую справку:

«Настоящая справка дана гр. Логиновой, П. И., работнице хлопчатобумажной ф-ки им. Д. Бедного в том, что означенная гражданка не явилась 7 августа на работу по уважительной причине, а именно: исполняла христианский обряд (погребение племянницы) в храме кинешемского собора.

Священник храма кинешемского собора
Н. ФИЛИПОВ».

В связи с упомянутым храму сему в дальнейшем именоваться «Кинешемский храм Утоли мои прогулы».

ТАЙНА ПОДПИСИ

«Почерк — зеркало души», — утверждает наука графология. Со своей стороны мы считаем необходимым добавить: не только души, но и характера, работоспособности, образа действий и пригодности к ответственной работе. В подтверждение нашего смелого вклада в науку приводим выписку из стенограммы выступления главного инженера Азчердревтреста тов. Харламова на активе этого треста:

«Один из наших директоров дал в банк образец своей подписи. А надо было как раз выплачивать заработную плату. Приходят в банк, там говорят: нет, это не та подпись. Приходит сам директор и говорит: я подписал. Ну, говорят, подпишите еще. Он подписал. Нет, говорят, не та подпись. Что делать? Он тогда выскакивает в духан, заложил пол-литра, ну, говорит, давай распишусь. И расписался. И вышло. Это директор армавирской мебельной фабрики Кабанов».

Если учесть, что кроме того Кабанов и на упомянутый актив явился в пьяном виде, мы считаем свое дополнение, внесенное в науку графологию, вполне доказанным.

ОГНЕОПАСНЫЙ КАЗАКОВ

Бывают такие люди, которых хлебом не корми, а дай поглазеть на пожар. Бывают и такие, которые страх как не любят, чтобы кто-нибудь из их подчиненных совершил поступок, достойный похвалы, ибо они усматривают в этом немалый подрыв их авторитета. Бывают, наконец, и просто тупые и бездарные составители приказов. В результате сочетания в лице директора Магнитогорского мельзавода № 10 Союзмуки Казакова всех перечисленных выше свойств и появился на свет приказ № 105 от 3 августа с. г. Вот он, этот идиотский приказ:

«В ночь на 3 августа получились загорания в вальцевом станке, старший бригадир тов. Меньшиков ликвидировал загорания сам, не вызвал в это время ни директора, ни техдиректора, ни нач. пож. охраны, что считаю недопустимым явлением и выношу тов. Меньшикову выговор».

Значит, случился пожар, вызывая начальство, а до их прибытия не туши. Не знаем, какие другие опасности таит в себе этот Казаков, но с точки зрения пожарной он опасен чрезвычайно.

АМУР ЗДЕСЬ НЕ ПРИ ЧЕМ

Конечно, бывает, что та или иная река вдруг меняет свое русло, создавая тем самым для окружающего населения немало хлопот. Но наднях мы узнали о небывалом по своей грандиозности изменении русла огромной реки Амур, прошедшим совершенно незаметно для населения обоих ее берегов. Мы прочитали об этом в газете «Бакинский рабочий» № 167, в статейке под названием «Город юности».

«Население Комсомольска, — прочитали мы, — работает непокладая рук, но не спускает глаз с берегов Амура. По ту сторону реки — Манчжоу-Го, японские войска, шпионы и лазутчики».

Твердо убежденные в том, что и по ту сторону Амура, напротив города Комсомольска, расположена наша, советская территория и что Манчжоу-Го и японцы находятся во многих сотнях километров от этого города, мы считаем, что все хлопоты, связанные с выдуманным «Бакинским рабочим» изменением русла реки Амура, должны по справедливости выпасть на долю редактора «Бакинского рабочего» А. Рахмана.

Общедоступный силомер для междунаро

ВОТ ЭТО—ЗНАКОМСТВО!

Нас поражает неразборчивость в знакомствах, проявляемая на сегодняшний день многими жителями Пятигорска. Бессистемно и беспланово расширяя круг своих знакомых, они не могут в то же время похвастаться такими, которые готовы были бы для них пойти на все. Даже на преступление.

Считая такое положение достаточно прискорбным, мы от души рекомендуем пятигорцам, в том числе и руководящим работникам, поближе познакомиться с членом оргбюро ЦК союза работников кооперации Шпаковым. Вот это—знакомство! Уж он-то ради знакомого и на преступление пойдет! Можете сами проверить. Еще совсем недавно он выдал своему приятелю, ловкачу и бездельнику заведующему складом крайлескоопторга Чекалову И. Д., справку о том, что он является стахановцем-отличником. Новоявленный стахановец-отличник немедленно получил по этой справке для себя и своей жены путевки в санаторий, прославляя чудный характер Шпакова и полную бесконтрольность, царящую в оргбюро ЦК союза работников кооперации.

Так что мы, со своей стороны, всячески рекомендуем пятигорским организациям поближе познакомиться со Шпаковым.

ОСОБАЯ КОЗА

В свое время некая миргородская свинья причинила немало хлопот местному суду, нагло сожрав жалобу Ивана Ивановича на Ивана Никифоровича. Оставленный Николаем Васильевичем Гоголем документ под названием «Как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», к сожалению, ничего не говорит нам о судьбе, постигшей свинью за ее неслыханное вредительство на правовом фронте. Точно так же неизвестны меры взыскания, наложенные на неосмотрительного свиновладельца.

Вторым четвероногим животным, удостоившимся попасть на страницы юмористической литературы по аналогичным примерно причинам является ныне здравствующая коза, принадлежащая гражданину Евгению Шпаку, проживающему в Карло-Либкнехтовском районе, Одесской области.

Не щадя затрат, мы приводим это юмористическое произведение целиком:

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ

от 13 июля 1937 года

в составе: председателя т. Юрина, нар. засов Романович, Гергард, секретаря Гринфельд.

Слушали дело по иску Катеринентальского маслозавода к столовой РПС на 362 рубля.

Несмотря на то, что гр. Шпак Евгений за нарушение установленного порядка в зале судебного заседания во время слушания дела, принадлежащей ему козой, благодаря оставления ее без присмотра, постановлением суда от 10/VI 37 года уже был оштрафован в пятьдесят рублей, однако это надлежащего влияния на него, Шпака, не дало, последний продолжает оставлять козу безнадзорной, без привязи, вследствие чего таковая сегодня снова, во время слушания дел, ворвалась в залу судебного заседания, загрязнив своим пометом пол, вызвав возмущение присутствующих гр. гр., принудив суд для восстановления порядка уборки зала прервать судебное разбирательство дел, а также имея в виду, что означенные действия со стороны Шпака являются систематическими, что такой находится на службе в облпрокуратуре, по сему суд руководствуясь—статьей 114 ГПК постановил: Шпака Евгения подвергнуть вторичному штрафу в доход республики суммарно в пятьдесят рублей.

Одновременно направить копию настоящего постановления облпрокурору для сведения и принятия соответствующих мер».

Получил одесский облпрокурор копию этого постановления и принял соответствующие меры: переслал в редакцию журнала Крокодил. А мы публикуем для всеобщего сведения.

ГДЕ ТАШКЕНТ, А ГДЕ РЕДАКТОР

На третьей полосе газеты политотдела Рязано-Уральской железной дороги «Рабочий транспорта» от 10 августа помещен был снимок, а под ним подпись:

«На снимке: здание Узбекского государственного ордена Ленина академического театра в Ташкенте (в Старом городе)».

Если судить по этому, неплохо воспроизведенному снимку, в городе Ташкенте существует метро имени Л. М. Кагановича, что явствует из вывески на фронтоне соседнего с Ташкентским театром здания с колоннами, увенчанного огромной буквой «М».

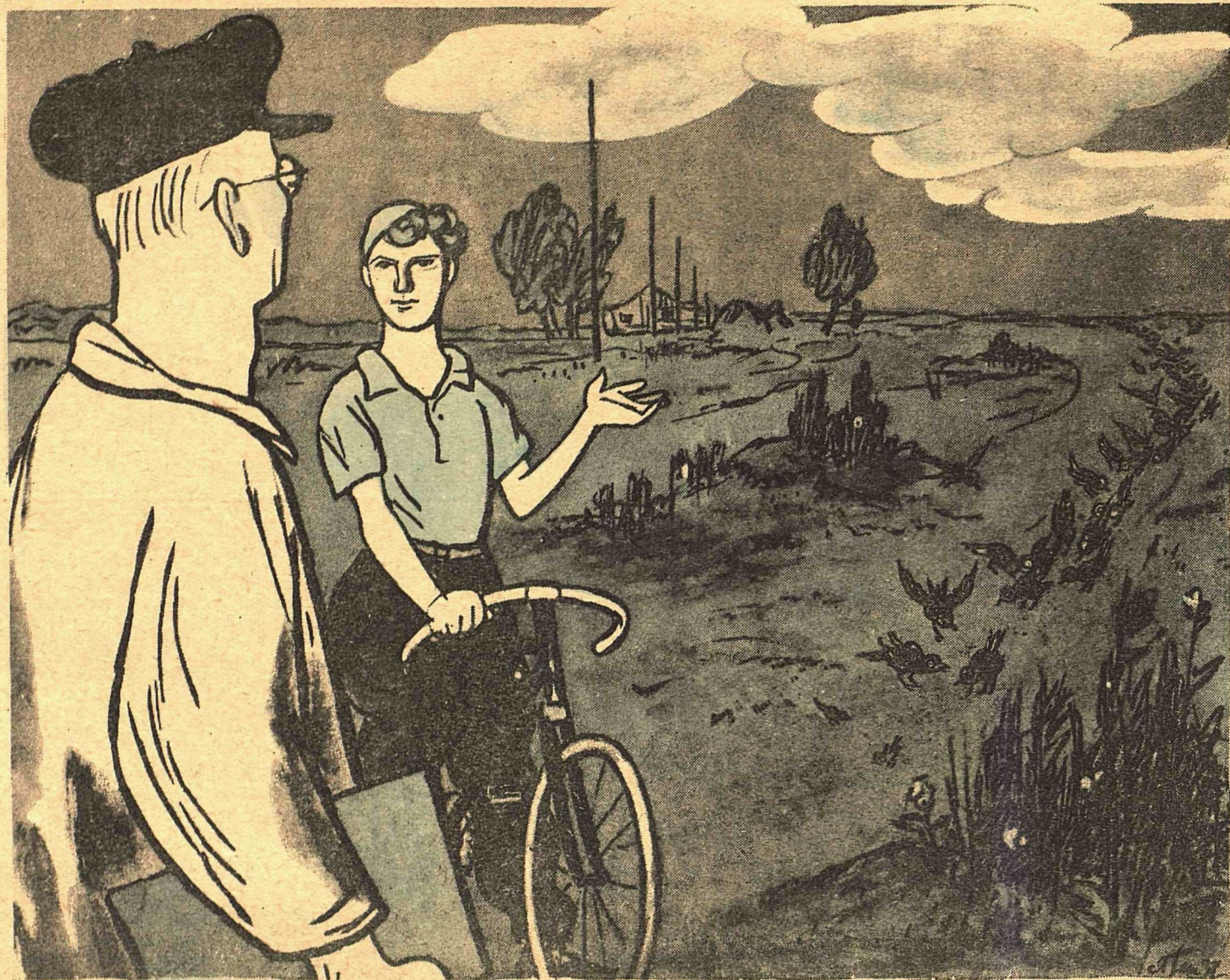
Более тщательное изучение снимка приводит, однако, к несколько другим выводам. Рекламируемое «Рабочим транспорта» здание Ташкент го театра на самом деле является зданием Октябрьского вокзала в Москве, тогда все оказывается на месте: и вокзал, и станция метро, известная москвичам под названием «Станция Комсомольская площадь». Все это ясно даже человеку, никогда не бывавшему в Москве, но более или менее внимательно рассматривающему этот снимок.

Нам хочется узнать, кто отвечает за это издевательство над читателями газеты. Мы переворачиваем страницу и видим подпись: «И. о. отв. редактора Милославский». Очевидно, и здесь произошла опечатка. Надо было написать не «И. о.», а «П. и. о.»—плохо исполняющий обязанности редактора Милославский.

дных шантажистов и поджигателей войны.

Рис. Л. Гонча

— Зачем же мне вас провожать до заготовительного пункта?.. Вас птицы доведут до самых ворот.

МАШИНА

Когда черная и сияющая, как начищенный башмак, машина, шурша по траве, направилась к домику под горой, на террасе домика, расположенного на горе, водворилось тягостное молчание.

Первым нарушил его легкомысленный шестилетний молодой человек — Шурик:

— Когда я вырасту, непременно буду каким-нибудь знаменитым и непременно заведу такую машину.

— Да, машина — вещь роскошная, — вздохнул отец. И, отвечая своим мыслям, добавил: — По-моему, он все-таки писатель. Лицо такое отвлеченное, и в поступках небрежность.

— А мне кажется, он артист... — задумчиво склонила голову набок Оля и почему-то покраснела. Ей недавно исполнилось девять лет, и она мечтала о сцене.

— Артист или писатель, — во всяком случае, не такой осел, чтобы заставлять жену ездить на дачу в душных вагонах.

На этот раз даже не умудренный жизненным опытом Шурик догадался, в чьем огороде приземлился камень маминого злословия.

Проклятая черная машина появлялась каждый день после четырех часов, и кое-как налаженный с утра мир стыдливо уступал место междоусобной войне. Из городской квартиры был специально

привезен бинокль, и все члены семьи запальчиво оспаривали друг у друга право на ближайшее рассмотрение чужой заманчивой жизни.

— Выпивает, — констатировал отец, наблюдая, как счастливый обладатель лакированного сокровища вываливался из машины и до тех пор стоял на четвереньках, пока к нему не возвращалось смутное воспоминание о его человеческом достоинстве.

— Пьян да умен, — ядовито замечала мать. — Конечно, какому-нибудь плоскому бухгалтеру это ни к чему. А талантливой натуре широкий размах нужен.

Шурик решительно не понимал, как можно широко размахнуться, стоя на четвереньках. Зато всем было совершенно очевидно, кто такой — непьющий, плоский бухгалтер.

Месяц в деревне, о котором так мечталось в городской квартире, превратился в сплошную неприятность. И когда отец с виноватым выражением, не покидавшим последнее время его лицо, пошел нанимать лошадь для перевозки вещей, все облегченно вздохнули.

Воз обвязали веревкой, на верхушку прикрепили вверх ножками табуретку и в нее кинули чуть не забытую эмалированную посудину и подсвечник.

Мать нервной вздохнула:

— Другие уложат вещи на грузовичок...

— Сами — на легковичок... — подхватил Шурик, усвоивший в совершенстве мамину ядовитую манеру.

В это время из домика под горой выбежала не старая еще женщина. Она обратилась к возчику:

— Дяденька, ихние вещи отвезешь, за нашими езжай.

И с очаровательной непосредственностью добавила, всплеснув руками:

— Мой-то подлец доездили!

— Это вы про кого? — с нервной дрожью в голосе спросил отец.

— Известно, про кого, — злобно фыркнула женщина. — Про моего муженька, чтоб ему... Гонял и гонял на казенной машине на дачу. Мы ему как сказывали: раз ты шофер, ты машину блюди. Кончил работу — сдавай машину в гараж. А он свое. Теперь судить будут.

У всех на лицах появилась недоуменная, робкая и счастливая улыбка.

— И правильно, что судить будут! — веско сказала мать. — Я бы таких прямо на десять лет!

— И безо всякого! — подтвердил Шурик.

Они взялись за руки и дружно зашагали за возом.

В. КАРБОВСКАЯ

АРКТИКА НА ПЛЯЖЕ

ИЛИ

Рис. К. Ротова

каждый сам себе полярник

Рис. В. Горяева

— Вот так, бывало, и в церкви... Когда ни придешь, все одно и то же поют...

ЛЕКАРЬ ПОНЕВОЛЕ

После заседания разошлись не сразу. Некоторое время почти все сидели в кабинете директора, допустив на лица усталые улыбки и разминая затекившие члены. Рассказывали забавные случаи из деловой практики. Шутили на служебные темы. Смеялись все очень охотно.

Во время одного приступа хохота директор побагровел, закашлялся и минуты полторы после этого издавал хрипы.

Все примолкли, а сам директор, цыркая, покачал головой, дескать: вот оно, здоровье...

Бухгалтер Упырьев сделал озабоченное лицо и сказал директору:

— Э-э, Николай Афанасьевич, вам скорее лечиться надо!..

Директор махнул рукой, дескать: польза службы ему дороже здоровья.

— Уверю вас, это очень опасно! — и желая подкрепить свои слова, Упырьев соврал: — Я не зря говорю, я кое-что понимаю в медицине...

— Ты что же, в университете был? — недоверчиво спросил экономист Ключарев.

— Да-а... — запинаясь, отозвался Упырьев.

— И окончил?

— Нда... то есть нет...

— Поди, государственных экзаменов не сдал? — продолжал допрашивать Ключарев.

— Да! — облегченно вздохнул Упырьев и, желая перевести разговор на другую тему, сказал: — А то вот еще у нас случай был. Один гуртовщик выписал будто бы для скота коньяк. А начальник положил резолюцию: «Какому это скоту понадобился коньяк?»

На другой день Упырьев совсем и забыл о том, что он в целях подхалимства присвоил себе медицинские познания. Но в четыре часа, когда сотрудники собирались по домам, а Упырьев в поисках пропавших семи копеек в четвертый раз прикидывал на счетах обратную ведомость, он увидел, что по

извилистому проходу между канцелярскими столами приближается экономист Ключарев.

— А я, брат, к тебе, — заговорил Ключарев, рассеянно протягивая ладонь для рукопожатия, — понимаешь, теща что-то заболела. Сейчас звонила жена и просит прислать врача, а разве их, чертей, дозозеешься? Вот я и вспомнил: у нас свой медик сидит... Так я уж к тебе.

— Почему именно ко мне?! — удивился Упырьев.

— Позволь, ты же сам вчера говорил, что прошел медицинский факультет, только экзаменов не сдал.

— Я-а?! — начал было Упырьев, но, вспомнив сцену в кабинете директора, густо покраснел и закончил смущенно: — Я, ну да, я, конечно, тово... учился.

— Ну, вот... Очень тебя прошу: подлечи мою тещу.

— Да пойми ты, чудак, что не могу я...

Ключарев нахмурился и ехидно произнес:

— Понимаем. Конечно. Директору ты можешь давать медицинские советы, даже если он и не просит. А нашему брату — от ворот поворот!

И Ключарев забарабанил пальцами по столу. Произошла пауза, после которой Упырьев голосом отчаяния произнес:

— Хорошо. Едем к твоей теще.

— Ну вот и отлично, — засуетился Ключарев, — я уже и машину выпросил в транспортном отделе. Мигом доедем... Пошли, брат... А теща, понимаешь ты, — пожилая женщина. Полнокровная. Сердце уже не то. Да, лет 30 назад были у нее неудачные роды. Сестра в сумасшедшем доме, а племянник один трижды судился за растраты...

«Ну к чему он говорит мне все это?» — мысленно морщился Упырьев, а вслух заметил:

— Угу. Так, так. Это все, конечно, имеет значение...

— Я уж, брат, тебе все как врачу говорю. Между нами, я думаю, что болеет она от обжорства: любит старуха поесть. Прошлый год она, например, выжрала сразу два кило куле-

бяки, а потом свалила на кошку... Конечно, пусть это останется врачебной тайной — про кошку. Ну, что тебе еще сказать? Старший сын у нее, у тещи, запойный. Даже мое легнее пальто пропил. Я его спрашиваю: «Где мое пальто?» А он так цинично себя щелкает по горлу: мол, пропито ваше пальто... Ну вот мы и приехали.

Через несколько минут Упырьев, разоблачившись в прихожей и вымыв руки, стоял перед диваном, на котором лежала закрытая одеялом до носа пожилая женщина. Упырьев вспомнил докторские повадки и слегка дрожащим голосом произнес:

— Ну-с, что ж это с нами случилось? У?

— Да я выйду,— поспешно произнес Ключарев,— а ты тово... осмотри больную...

— Не надо!.. Не надо выходить!.. — судорожно отозвался Упырьев, но Ключарева уже не было в комнате.

Упырьев отчаянно поглядел ему вслед, махнул рукою, сел и нагло заявил:

— Ну, рассказывайте, что там у вас стряслось!

— Сердце... ноет... болит,— простонала теща.

— Так. Икать икали? — спросил Упырьев.

— Икала,— испуганно отозвалась теща,— а что, нельзя? Упырьев пожал плечами:

— Смотря, какая икота идет. Если в себя икаете — очень дурной признак. А из себя можно.

— Я это... я из себя.

— Ну, рассказывайте, что чувствуете.

— Знаете, доктор...

— Где доктор? — испуганно спросил Упырьев.

— Я же вам говорю...

— Ах, мне... Да, я доктор. Так что у вас там?

— Я так считаю, доктор: у меня боль одна, и она по всем внутренностям перекачивается, как с обходом кто идет. Вот сейчас начинается в самом низу и сейчас по всем кишечкам зигзагом катается. Так-то вот: ррры... ррры... ррры... До сердца доедет и обратно.

— Катается, говорите?

— Во-во.

— Зигзагом?

— Зигзагом.

— Ну если зигзагом, еще ничего. Когда напрямик, хуже.

— Вот спасибо, доктор. Хоть утешили... А то я так скажу: сердце у меня болит, кишечки прямо все трясутся, и печень, и эта — как ее, вроде утки? — селезенка болит, и в пояснице отдает, и сама я себя плохо чувствую...

— Кушаете много?

— Да как сказать. Есть хочется, но аппетиту никакого. Может, вам хоть язык показать?

— По новейшим данным, язык значения не имеет, — внушительно заявил Упырьев, — язык вы оставьте при себе. А лучше я вам напишу рецептик.

— Пожалуйста, доктор, чего-нибудь покрепче.

— Значит, так,— важно сказал Упырьев,— во-первых, касторки примете, а потом вот по этому рецепту... Бумага у вас есть? Чернила?

Упырьев присел, слегка потер лоб, и, так как, будучи бухгалтером, он знал только итальянские слова, рецепт был написан при помощи этих ученых терминов:

«Rp,	
Saldo conto	0,05
Credit	0,7
Rescontro	1,05

Передавая рецепт, Упырьев сказал:
— Лекарство редкое. Не во всякой аптеке есть. Может статься, что и вовсе не дадут, тогда обойдетесь касторкой...

Через пять минут, уходя на улицу, Упырьев отталкивал обеими руками зажатую в горсти у Ключарева двадцатку.

— Нет, нет, нет. Это уж оставь, Саша, — говорил он, — мы, медики, обязаны оказывать помощь не для ради презренного металла...

Упырьев проснулся ночью от неожиданного резкого автомобильного гудка на улице и вспомнил о своей «врачебной деятельности». Все это показалось ему совершенным бредом. Такого и быть не могло.

Но вот на другой день опять по извилистому проходу между столов прошел Ключарев и сказал:

— Не знаю, как благодарить: поставил на ноги старуху. Тещу-то. Веселая, с утра хлопочет насчет вареников... А все ты. Правда, по рецепту лекарства не дали, но касторка очень помогла...

— Да? Ну очень рад,— небрежно отозвался Упырьев и отвернулся к своему помощнику Шалашенко, с которым совещался насчет сложной проводки сложных документов.

Но Шалашенко неожиданно заинтересовался:

— Это вы о чем?

— Да как же, он у меня тещу вылечил, — словоохотливо начал Ключарев.

Шалашенко слушал, слушал и вдруг сказал:

— А я и не знал, что ты лекарь. Ну-ка, загляни ко мне в горло. Что-то с утра саднит. Нет ли чего? (Шалашенко известен был своей мнительностью).

Упырьев покраснел от желания раз и навсегда покончить с этой дурацкой игрой, но он подумал о том, как обидится Ключарев, узнав, что его тещу лечил самозванец, и решил отложить саморазоблачение. Вместо этого он стал против света, обеими руками притянул к себе за шею Шалашенко и вяло сказал:

— Ну, высовывай язык... Так... так... Говори: а-а-а-а-а.

— А-а-а-а-а,— покорно простонал Шалашенко.

— Очень хорошо. Можешь закрыть. Ничего у тебя нет.

И в самом деле, Упырьев ничего в горле своего помощника и не видел.

...Часа в три прибежала курьерша и запыхавшись прокричала:

— Кто у вас здесь будет товарищ Упырьев? Вы?... Бегите сейчас в отдел снабжения: там одной сотруднице дурно, просят врача...

— Я сейчас, — мрачно отозвался Упырьев, — я только папку сложу...

Упырьев медленным шагом вышел из комнаты и как был, без пальто и кепки, ушел на улицу.

В половине третьего ночи в тускло освещенной пивной сидел захмелевший Упырьев и жалостливо рассказывал соседу по столику, с которым он познакомился десять минут назад:

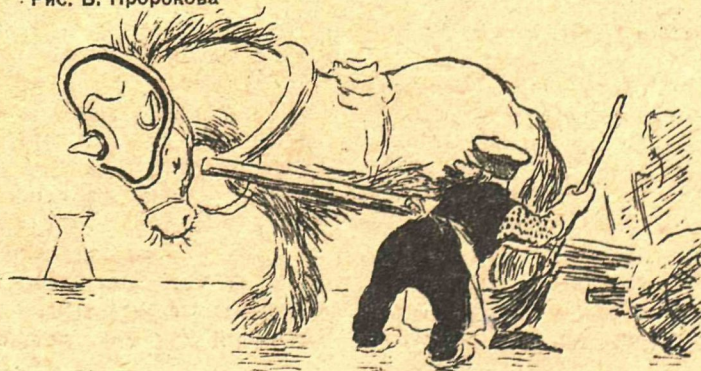
— И нету, нету у меня гражданского мужества объявить, что никакой я не медик. Почему нету? Потому, что кого я лечил, могут из меня за это такое сделать, что... А как я завтра на службу пойду? Как? Я тебя спрашиваю! То-то и оно!!

И по лицу его катились обильные пьяные слезы.

В. АРДОВ

У П Р Е К

Рис. Б. Пророкова

— А еще в шляпе ходит, бессовестная!.

— Дядя, что больней: зубы рвать или стричься?..

СОБЫЙ ТДЕЛ

ЗНАЕМ, ЗНАЕМ, ЗНАЕМ...

Начнем просто: Михаил Кузьмич Пиняшин, боец энской части войск ОКДВА, увидев в газете объявление Моспосылторга, решил воспользоваться удобным способом закупки по почте.

— Знаем, знаем, знаем! — перебьет нас читатель. — Все знаем! Послал Пиняшин деньги и либо ничего не получил, либо не дослали чего-нибудь.

Отчасти читатель прав, но только отчасти. В данном случае был сюрприз. Пиняшин заказал бритву, кисть, мыльницу, зеркало и канцелярскую ручку, а получил бритву, кисть и мыльницу. Зеркала и канцелярской ручки, действительно, не дослали.

Но зато через несколько дней Пиняшин получил «остаток переведенной суммы» — 16 рублей 90 копеек.

— Знаем, знаем, знаем! — перебьет читатель. — Все знаем! Бюрократы из Моспосылторга передали Пиняшину сколько-то казенных рублей...

Отчасти читатель прав, но только отчасти. Действительно, послал Пиняшин в свое время 15 рублей. Получил за это три вещи и еще 16 рублей 90 копеек. Честный Пиняшин написал в Моспосылторг о том, что вот его облагодетельствовали за счет фирмы. Ответа, разумеется, никакого. Но через три месяца Гродековский народный суд Уссурийской области вызывает Пиняшина в качестве ответчика...

— Знаем, знаем, знаем! — перебьет читатель. — Все знаем! Пришлось бедному Пиняшину заплатить сверх причитающейся с него суммы еще и судебные издержки...

Отчасти читатель прав, но только отчасти. Действительно, Пиняшин явился в суд, и с него потребовали 50 рублей судебных издержек. Но судья разобрался в обстоятельствах дела и взыскал с Пиняшина только то, что с него в действительности следовало получить.

И вот вернулся Пиняшин к себе домой из вынужденной поездки в суд. Смотрит он на бритву, мыльницу и кисточку и тревожится...

— Знаем, знаем, знаем! — перебьет читатель. — Все знаем! Пиняшин боится, что волокита еще не кончилась и что его могут еще раз куда-нибудь вызвать, что-нибудь потребовать, в чем-нибудь обвинить.

На этот раз читатель прав. Пожалуй, и Пиняшин прав. Нам тоже боязно за него. Вдруг Моспосылторг не считает еще операцию законченной, и до конца дней своих будет Пиняшин терзаться призраками полученных бритвы, кисти и мыльницы и неполученных зеркальца и ручки... Бррр, даже вчуже страшно!

СОЛОМОН НА СЕГОДНЯШНИЙ ДЕНЬ

Лицам, состоящим не в ладах с законом от 7 августа (расхищение социалистической собственности), мы рекомендуем запомнить следующее имя: Решетников, народный судья Комаричского района, Западной области. Очень либеральный товарищ.

Факты? Имеем в распоряжении один крайне интересный факт. В сенокос 1936 года некие Сыромятников и Котов, как видно из последующего, люди не очень щепетильные, накопили 90 пудов сена на Радогосском участке Брасозского лесхоза. Участок был, следовательно, государственный, сено на нем могло расти тоже только государственное, так что суть дела совершенно ясна. Лесооб'ездчик Огородников и лесник Шеломытов застигли Сыромятнова и Котова на месте преступления и, естественно, отобрали у них не принадлежащее им сено.

Казалось бы, все обошлось сравнительно благополучно. Не тут-то было! Обиженные правонарушители вчинили иск о возврате им сена, и вот тут мудрый судья Решетников вынес свое соломонино решение. Цитируем точно по решению суда:

«Суд считает, что предъявленный иск со стороны истцов не может быть оплачен, поскольку они не имели на это никакого права, но так как истцы косили сено по второму скосу и лесничество не косило этот дуг, то суд считает, что истцам необходимо оплатить за искошенный дуг, т. е. за вложенный труд. А поэтому на основании вышеназванного и руководствуясь ст. 118 и 176 ГК,

РЕШИЛ:

Взыскать с Брасозского лесхоза в пользу СЫРОМЯТНОВА Константина Ивановича и КОТОВА Александра Ивановича за проработанное время по скосу сена 105 руб. (сто пять рублей) и судпошлины 3 руб., итого 108 руб. (сто восемь рублей).

Решение окончательное, но может быть обжаловано в Зап. обл. суд в 10-дневный срок.

П. П. Пред-ющий Решетников.

Нам кажется, что формулировка «может быть обжаловано в Западный областной суд» неверна. Не может быть обжаловано, а должно быть обжаловано. Непремено должно быть обжаловано. Обязательно должно быть обжаловано.

Руководствуясь методами судьи Решетникова, предвидим, что по делу о выноске из квартиры обстановки с целью кражи возможно будет такое решение: обстановку вернуть владельцам, а ворах оплатить труд по переноске тяжестей. Не правда ли, это очень похоже на решение по делу о сенокосе?

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Обычно неправильно составленное отношение открывает нам недостатки работы в каком-нибудь одном учреждении. Но сегодня мы можем поделиться с читателями историей о том, как одна бумага открыла недостатки трех довольно солидных организаций.

Началось дело в Сретенской судовой верфи. Руководители Сретенской судовой верфи (заместитель директора — Ракиш, главбух — Голов и начальник финчасти — Волков) послали ЦКБанку сведения о движении кредитов. Сведения были разграфлены по форме, подписаны тремя указанными выше работниками, но ни одна графа этих сведений заполнена не была. То есть из Сретенской судовой верфи отправилась в Москву пустая бумага.

В ЦКБанке кинулись к этой бумаге, увидели, что это пустой бланк (хотя он и подписан означенными начальниками и руководителями), и очень рассердились. А рассердившись, решили известить о безобразном факте тот главк, которому подчинена Сретенская судовой верфь.

Сретенская судовой верфь (как и большинство верфей) подчинена Главречпрому Наркомтяжа. Банк, кредитующий верфь, разумеется, должен точно знать, в какую систему входит его клиент. Но не тут-то было. В ЦКБанке написали полное гражданственное негодования письмо и направили его в Наркомвод. То есть ЦКБанк обнаружил незнание собственной своей клиентуры.

В Наркомводе исполненное гражданственное негодования письмо ЦКБанка поступило к инспектору при наркомате тов. Воронову. Воронов тоже не знает, что Сретенская судовой верфь в систему Наркомвода не входит, и просит Восточное управление Наркомвода наказать виновных. Затем бумага попала в сектор капитального строительства Наркомвода. И там никто не обратил внимания на то, что касается она предприятия, не входящего в систему Наркомвода. То есть и в Наркомводе не совсем отчетливо представляют себе, что есть ихнее, наркомводское, а что — постороннее.

Пока все. Как видите, пустая (в буквальном смысле) бумажка принесла пользы больше чем многие, исписанные с двух сторон отношения. Она, эта бумажка, показала, что в разных концах нашей страны, в разных учреждениях сидят растяпы, бюрократы и люди, которые просто не знают того, что знать обязаны. Ввиду изложенного мы предлагаем пустой бланк сведений о движении кредитов считать необыкновенно содержательным и полезным документом.

ДОВОДИМ ДО СВЕДЕНИЯ

* В Крокодил поступила корреспонденция о скверной выпечке хлеба в г. Оренбурге. Редакция поставила об этом в известность оренбургского прокурора. В результате проведенного расследования директор оренбургского треста хлебопечения Яшин осужден на три года лишения свободы.

* Начальник военизированной охраны Дальневосточного государственного морского пароходства во Владивостоке Битюцкий обращался с государственными деньгами как со своими. Он бесконтрольно расходовал их на покупку мебели для своей квартиры и ежегодный ремонт ее; только в международном вагоне ездил с семьей ежегодно за счет государства на курорты; установил себе никем не утвержденную персональную ставку. Наркомвод, куда направлен был редакцией соответствующий материал, произвел расследование и обнаружил крупные растраты. Битюцкий снят с работы и передан суду.

* В № 12 Крокодила было помещено письмо орденосца-

полковника Визирова о том, что им было отправлено в Азербайджанский ЦИК ценное письмо с талонами на получение орденских денег. Это письмо затерялось в бакинском 1-м почтовом отделении, и в течение нескольких месяцев тов. Визиров не мог получить своих денег. После опубликования письма, сообщает полковник Визиров, он, наконец, деньги получил.

* Дети детдома № 9 при ст. Лежено (Запорожский район) безобразно питались. Директор детдома Шутько никаких мер к улучшению питания детей не принимал. Крокодил сообщил об этом в Запорожский наробраз, который, по материалам редакции, снял Шутько с работы.

* Еще в 1935 году оренбургский горсовет вынес постановление о переименовании одноименных улиц. Но до середины 1937 года это постановление не проводилось в жизнь, оренбургский областной исполнительный комитет, куда редакцией был направлен об этом материал, сообщает, что теперь одноименные улицы уже переименованы.

Первый электромоторный завод Маштехсоюза просит нас сообщить следующее. После помещения в № 18 Крокодила объявления о продукции завода руководители завода проверили условия эксплуатации электрополотенца. Проверкой установлено, что за электрополотенцами во многих случаях нет надлежащего ухода, в некоторых местах электрополотенцы не включены в электрическую сеть, в них набиты окурки, спички и т. д. Там, где за электрополотенцами установлен надлежащий контроль, полотенца работают без перебоев.

Дорогой Крокодил!

Как-то очень тревожно для меня обстоит дело с учебниками. Некоторых учебников в продаже нет, и это меня беспокоит. Другие учебники я купил (это география, алгебра, ч. II, немецкий язык, теория литературы (Виноградова), неорганическая химия и задачник по химии, русская литература (Кубикова и Бродского, ч. I), а говорят, что они не годятся и что скоро выйдут новые взамен. Вот я прихожу в магазин и спрашиваю учебник. Если его нет, я тревожусь, если есть, тоже тревожусь: а вдруг это не тот учебник? Некоторые наши ребята гадают на пальцах, покупать или нет, но я против мистики. Что же мне делать, дорогой Крокодил?

Ученик 8-го класса
Н. ЛОГИНОВ

Станция Чишмы,
Куйбышевской ж. д.

Дорогой Крокодил!

В V томе Малой советской энциклопедии (второе издание, 1937 год) я прочитал на 611-й странице, в статье «Кожа», следующее:

«Специфический запах кожи, различающийся по расам, зависит от выделения потовых желез, а также от чистотности и т. п.»

Я по специальности не медик, а инженер, но, насколько я разбираюсь в медицине, мне кажется, что от процитированных выше строк отдают отвратительным запахом фашистской расовой теории.

Инженер С. ИЦКОВИЧ
г. Воронеж.

Товарищ Крокодил!

В дни церковных праздников троицы и петрова дня около тысячи трудящихся города Гороховца вынуждено было бегать по всему городу и даже за город для того, чтобы достать корму для своих коров. Произошло это потому, что председатель горсовета Швецев разрешил пастухам в эти дни не пасти городское стадо. Передай ему, пожалуй-

ста, товарищ Крокодил, что если он и в дальнейшем собирается считаться только с поповскими интересами, то пусть он на предстоящих выборах в советы трудящихся рассчитывает исключительно на голоса попов.

П. ФОКИН

г. Гороховец, Ивановской области.

Дорогой Крокодил!

Не знаешь ли ты, с каких лет принимали на службу в царскую полицию, а также в царскую, германскую, петлюровскую, денкинскую и другие армии? Этот вопрос возник у меня в связи с тем, что я собираюсь поступить на вечерний рабфак при Николаевском кораблестроительном институте, в который принимаются лица в возрасте от 18 до 30 лет. Дело в том, что для поступления на рабфак я должен представить автобиографию, одним из пунктов которой должен быть ответ на следующие вопросы:

«Где вы были: укажите точное место и чем занимались, подробно: 1) до революции в 1917 году, 2) во время революции (февральской и Октябрьской) и какое принимали участие в них и под чьим руководством? 3) Во время Гражданской войны (годы 1919—1920), какое ваше участие в ней?.. Если вы в это время были в армиях, то укажите точно, подробно, в каких (старой, германской, петлюровской, белой, красной, партизанских отрядах и др.). Служили ли в полиции, где, когда, в каких частях, в каких должностях и сколько времени?»

По моим подсчетам, самому старшему из поступающих в рабфак к 1917 году было 10 лет. Неужели в таком возрасте люди уже принимались на разные должности в царскую полицию и армию? Просто удивительно! Если бы мне было тогда 10 лет, я бы, наверное, играл в бабки.

Д. ЭЙДЛИН

г. Николаев.

Редколлегия: МИХ. КОЛЬЦОВ, Л. ЛАТИН, А. НАЗАРОВ, Л. РОВИНСКИЙ

Рукописи не возвращаются

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды“, 24; тел. Д 3-32-50; Д 3-33-47. Прием ежедн. с 1 до 7 час. Подписная цена на журнал 1 р. 20 к. в месяц

Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“

Москва. Изд. № 818

Сдача текста и рисунков 9/VIII—37 г.

Подп. к печати 27/VIII—37 г.

Статформат 72×105 см.

Печ. л. 2. Кол. экз. в 1 печ. л. 78 000

Уполномоченный Главлита Б-25268

Типография газ. „Правда“ им. Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24.

Заказ № 1488 Тираж 275 000

СОН СЕКРЕТАРЯ ПАРТКОМА ПЕТРОВА-САМОТЕКОВА

45

Рис. А. Каневского

Тихий храп. И ночь тиха.
 Сон Петрову снится:
 С неба падают в цеха
 Новые партийцы.

Поручителей у всех
 Столько, сколько надо.
 Ни заботы, ни помех —
 Полная отрада!

10016